

Содержание

А. Нестеров. Джон Донн и его «ARS MORIENDI»

9

ОБРАЩЕНИЯ К ГОСПОДУ
В ЧАС НУЖДЫ И БЕДСТВИЙ. *Пер. А. Нестерова*

23

МЕДИТАЦИЯ I

29

УВЕЩЕВАНИЕ I

33

МОЛИТВА I

36

МЕДИТАЦИЯ II

38

УВЕЩЕВАНИЕ II

40

МОЛИТВА II

44

МЕДИТАЦИЯ III

47

УВЕЩЕВАНИЕ III

49

МОЛИТВА III

54

МЕДИТАЦИЯ IV

57

УВЕЩЕВАНИЕ IV

61

МОЛИТВА IV

65

МЕДИТАЦИЯ V

70

УВЕЩЕВАНИЕ V

74

Содержание

МОЛИТВА V	78
МЕДИТАЦИЯ VI	81
УВЕЩЕВАНИЕ VI	84
МОЛИТВА VI	92
МЕДИТАЦИЯ VII	95
УВЕЩЕВАНИЕ VII	99
МОЛИТВА VII	105
МЕДИТАЦИЯ VIII	108
УВЕЩЕВАНИЕ VIII	111
МОЛИТВА VIII	116
МЕДИТАЦИЯ IX	119
УВЕЩЕВАНИЕ IX	123
МОЛИТВА IX	128
МЕДИТАЦИЯ X	131
УВЕЩЕВАНИЕ X	136
МОЛИТВА X	141
МЕДИТАЦИЯ XI	145
УВЕЩЕВАНИЕ XI	149
МОЛИТВА XI	155

Содержание

МЕДИТАЦИЯ XII	158
УВЕЩЕВАНИЕ XII	162
МОЛИТВА XII	166
МЕДИТАЦИЯ XIII	168
УВЕЩЕВАНИЕ XIII	171
МОЛИТВА XIII	175
МЕДИТАЦИЯ XIV	177
УВЕЩЕВАНИЕ XIV	180
МОЛИТВА XIV	190
МЕДИТАЦИЯ XV	192
УВЕЩЕВАНИЕ XV	194
МОЛИТВА XV	199
МЕДИТАЦИЯ XVI	202
УВЕЩЕВАНИЕ XVI	205
МОЛИТВА XVI	209
МЕДИТАЦИЯ XVII	211
УВЕЩЕВАНИЕ XVII	214
МОЛИТВА XVII	217
МЕДИТАЦИЯ XVIII	221

Содержание

УВЕЩЕВАНИЕ XVIII	
225	
МОЛИТВА XVIII	
232	
МЕДИТАЦИЯ XIX	
235	
УВЕЩЕВАНИЕ XIX	
239	
МОЛИТВА XIX	
250	
МЕДИТАЦИЯ XX	
253	
УВЕЩЕВАНИЕ XX	
256	
МОЛИТВА XX	
261	
МЕДИТАЦИЯ XXI	
263	
УВЕЩЕВАНИЕ XXI	
267	
МОЛИТВА XXI	
274	
МЕДИТАЦИЯ XXII	
278	
УВЕЩЕВАНИЕ XXII	
281	
МОЛИТВА XXII	
286	
МЕДИТАЦИЯ XXIII	
289	
УВЕЩЕВАНИЕ XXIII	
293	
МОЛИТВА XXIII	
301	
СХВАТКА СМЕРТИ, или УТЕШЕНИЕ ДУШЕ, ввиду СМЕРТЕЛЬНОЙ жизни и живой СМЕРТИ НАШЕГО ТЕЛА. <i>Пер О. А. Седаковой</i>	
305	
Краткая хронология жизни	
341	

ДЖОН ДОНН И ЕГО «ARS MORIENDI»

У каждого великого поэта есть текст, который для потомков становится квинтэссенцией всего им написанного. Так, у Шекспира это знаменитый монолог Гамлета «Быть или не быть», у Китса — «Ода соловью». У Пушкина средний читатель помнит «Я вас любил...» Для Донна таким текстом стали его слова, вынесенные эпитафией к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» — и, собственно, давшие этому роману название. Мы говорим об отрывке из «Обращений к Господу в час нужды и бедствий» — не совсем обычной прозаической книге, соединяющей в себе дневник, медицинский бюллетень, богословский трактат и молитвенник (английское название ее, *Devotions upon Emergent Occasions*, напоминает о том, что «требник» по-английски — *The Book of Devotions*) ...

«Обращения к Господу в час нужды и бедствий» были написаны зимой 1623 г., когда Донн, в ту пору настоятель лондонского собора Св. Павла и придворный капеллан короля Иакова I, слег с приступом тяжелейшей «лихорадки». Современные медики утверждают, что то был возвратный тиф, среди симптомов которого — бессонница, бред, полный упадок сил и сильные боли во всем теле. На пятый или седьмой день наступает кризис, но даже если он миновал, сохраняется опасность последующего рецидива заболевания, приводящего, как правило, к смертельному исходу. Донн, таким образом, подошел к самому краю могилы и лишь чудом остался в живых. В посвящении к книге Донн скажет, что он считает себя трижды рожденным: «Первый раз то было естественное рождение, когда я пришел в этот мир, и второй раз — рождение в сверхъестественный порядок вещей, когда я был рукоположен в сан, нынешнее же мое рождение — не сверхъестественное, но превышающее порядок природы, когда я

вернулся к жизни после моей болезни». Опыт приближения к смерти, вынесенный Донном из болезни, стал основой «Обращений к Господу...».

Однако это не просто размышления о смертности, это — непосредственный опыт физического умирания, зафиксированный шаг за шагом. Так медики-экспериментаторы нашего века надиктовывали ученикам клиническую картину своей агонии...

Рукою Донна, когда он писал «Обращения...», в прямом смысле водила лихорадка. «Плотность», сложность текста объясняется той необычайной обостренностью, ускоренностью работы сознания, которые порой присущи болезни. Раскачивающийся, подобный прибору ритм этой прозы, переходы от отчаянья к надежде и обратно напоминают о море, штурмующем твердыню берега. Возможно, когда Донн писал свой текст, ему вспоминалось: «Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскую травую обвита была голова моя. До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада»¹.

Книга была закончена Донном в течение месяца. И тут же, по настоянию друзей, ушла под типографский пресс. Донн еще не настолько оправился от болезни, чтобы выходить из дома, а отпечатанный экземпляр уже лежал у него на столе. (Интересно, что сказали бы про такие темпы публикации современные издатели, для которых даже при компьютерном наборе месяц — срок непомерно сжатый? А ведь титульный лист книг XVII в. гравировался вручную...)

«Обращения...» состоят из 23 разделов, соответствующих определенной стадии болезни. Каждый раздел включает в себя три части: «Медитацию», «Увещевание» и «Молитву». Разделам предпосланы латинские стихотворные эпиграфы: если прочесть их «сплошняком», они образуют аллегорическую поэму из 22 строк (и 359 слогов), написанную не всегда ровным гекзаметром. Век Донна был особо внимателен к символическому значению чисел, и структура, использованная автором в «Обращениях...», отнюдь не случайна. 22 — число строк поэмы, предпосланной основному тексту — не-

¹ Иона 2, 6—7.

сло в себе богатый спектр нумерологических ассоциаций; так, современник Донна Стивен Батмен писал о двадцатирице, к которой прибавили двойку:

«Бог совершил 22 работы за 6 дней творения... И 22 поколения разделяют Адама и Иакова, от семени же последнего берет начало весь народ Израиля. Точно так же Ветхий Завет насчитывает в своем составе 22 книги, и 22 буквы образуют тот алфавит, которым записан был Закон, данный нам Богом...»²

359 слогов поэмы, очевидно, в сознании читателя должны были ассоциироваться с незавершенной окружностью, насчитывающей 360 градусов — напомним, что круг мыслился совершеннейшей из фигур и был одним из символов Божественности³.

Деление основного текста на 23 триады соотносилось с «числом Справедливости и Правосудия». Эта нумерологическая символика, по всей видимости, восходит к числу судей, заседавших в Израиле в суде, разбиравшем уголовные дела — так называемом Малом Синедрионе. (Исторически такая структура была связана с тем, что часть судей должна была выступать защитниками, часть — обвинителями, при этом обе стороны должны были насчитывать, согласно законам Торы, не менее 10 человек (так называемый миньян), однако приговор «виновен» мог быть вынесен только с перевесом в два голоса; таким образом, получалась последовательность: 10 + 12 + 1, так как еще один голос был необходим, чтобы общее количество судей оказывалось нечетным. Характерно, что и сегодня Большое Жюри присяжных в американском суде насчитывает 23 человека.) Вопрос о том, насколько истоки этой символики осознавались Донном, неоднозначен. Заметим, однако, что само движение протестантизма зародилось как критика католической церкви с позиций не только Нового, но и Ветхого Заветов, — и к ветхозаветным текстам протестанты были намного внимательнее католиков. Не случайно в «Обращениях...»,

² Bateman Steven. *Batman uppon Bartholme*. London, 1582. sig. 417v–418r.

³ Frost Kate Gartner. *Holy delight. Typology, Numerology, and Authobiography in Donne's Devotion Upon Emergent Occasions*. Princeton, New Jersey 1990. P. 110.

комментируя некоторые ветхозаветные пассажи, Донн ссылается даже на грамматики иврита (см. «Увещевание VII»). С другой стороны, сам нумерологический символизм числа «двадцать три» был широко известен и внутри католической традиции. Укажем на пассаж из сочинения итальянца Пьетро Бонго «О мистических числах»:

«В основании числа «двадцать три» не лежат числа совершенные, из сумм которых образуются, например, «пять», «одиннадцать» или «семнадцать». И потому, согласно Моисею, число это олицетворяет воздаяние, что постигает грешников от Господа. Двадцать три тысячи из тех, кто вышел из Египта, собрались и соорудили Золотого тельца — за что были убиты по приказу Моисея⁴. Апостол Павел в «Послании к коринфянам» говорит о двадцати трех тысячах, что погибли в один день, ибо предавались блуду с мадианитянками⁵. Также число сие может олицетворять и тех праведников, чья вера поддержана добрыми деяниями. Крепкость в вере олицетворяется тройкой, в которой мистически заключена вера в Пресвятую Троицу, Безупречность деяний обретает свое выражение в соблюдении Заповедей Господних, которые олицетворяет число двадцать, ибо то есть дважды десять: десять Заповедей, данные нам в Ветхом Завете, все до единой возродились в Завете Новом. И так путем прибавления тройки к двадцатке получаем наше число»⁶.

⁴ В «Книге Исхода» дано иное число убитых в тот день: «Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою; и взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне, и стер в прах, и рассыпал по воде, и дал ее пить сынам Израилевым... И стал Моисей в воротах стана и сказал: <...> убивайте каждого брата своего, каждого друга своего, каждый ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек» (Исх 32, 19, 28).

⁵ «Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи» (1 Кор 10, 8).

⁶ Bongo Pietro. *Mysticae Numenorum Significationes Liber*. Bergamo, 1484, sig. E3r.

Что до трехчастного деления разделов внутри «Обращений...», то оно соответствует учению бл. Августина о трех уровнях реальности, постигаемых благодаря способностям памяти (донновские «медитации»), разумного интеллекта («увещевания») и воли («молитвы»), которое излагается в трактате «О Троице» (X, XI 17–18)⁷.

С другой стороны, Донн явно отталкивается от популярных в конце XVI – начале XVII вв. трактатов, посвященных *ars moriendi* – искусству умирания. Этот род сочинений, повествующих, как правильно и достойно христианину уходить из жизни, как прощаться с близкими и отрешаться от земных привязанностей и забот, как приготавливать себя к встрече с Создателем, не мог быть незнаком Донну. В Англии особой популярностью пользовались два сочинения такого рода: анонимное *The Art and Craft to know well to Dy* («Искусство и умение умирать достойно»), созданное около 1500 г., существовавшее в многочисленных списках и оттиках с резных деревянных досок, самые поздние из которых датируются началом XVII в., и изданный в 1620 г. в Антверпене трактат иезуита Роберта Беллармина (*Bellarmino*) *De arte bene moriendi* («Об искусстве достойной смерти») – он-то, видимо, и был известен Донну, если учесть, что в проповедях настоятеля собора Святого Павла встречаются многочисленные аллюзии на иные работы этого автора⁸.

Для жанра *ars moriendi* характерен акцент на изменчивости человеческого жребия и неожиданности горечей и испытаний, венцом которых является смерть. Так, один из трактатов утверждает:

«Сегодня мы здоровы и крепки, а завтра – больны; сегодня счастливы, а завтра – поражены скорбью; сегодня богаты, а завтра – ввергнуты в нищету; сегодня прославлены, а завтра – опозорены и отринуты; сегодня живы, а завтра – мертвы... О, что за перемена участи в течение двух лишь дней! От счастья – к горечи, от здоровья – к болезни,

⁷ Partridge A. C. *John Donne: Language and Style*. London, 1978, P. 201.

⁸ Подробнее см.: Donne John. *Devotions upon emergency occasions...* V. I. Salzburg, 1975. S. XXXII–\$5XXIV.

от наслаждения — к скорби, от спокойствия — к тревогам, от силы — к слабости, — и точно так же от жизни перехожу я внезапно к смерти! Что за жалкое я создание!»⁹

Достаточно сравнить этот пассаж с началом «Обращений к Господу...», чтобы сходство бросилось в глаза.

Заметим и еще одну параллель. Все трактаты, посвященные «искусству умирания», настаивают на том, чтобы лежащий на смертном одре публично произнес символ веры: «Прежде, нежели покинут меня жена, дети и слуги мои, желаю я в их присутствии исповедовать мою веру, дабы и вы, друзья, что собрались здесь у одра моего, могли бы засвидетельствовать перед Богом и миром, что умираю я христианином», — пишет безымянный автор «Спасения человека недужного» — еще одного популярного в XVII в. сочинения этого жанра¹⁰.

Каждый раздел «Обращений...» Донн заключает молитвой. Однако сочинение Донна далеко выходит за рамки трактатов *ars moriendi*. Те были лишь практическим наставлением для умирающего. Донн претендует на нечто гораздо большее. Едва ли не на тяжбу с Господом Богом. «Увещевания» — своего рода юридический разбор реального положения подзащитного, коим является сам Донн. Здесь он, с одной стороны, опирается на традицию права, с которой он познакомился во время обучения в Линкольнз-Инн, а с другой — на книгу Иова. Иова, вызывающего Бога на разбирательство: «Выслушай, взывал я, и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне»¹¹. И каждый раз, взвесив все доводы, Донн смиренно склоняет голову.

Если увещевания — наиболее богословски насыщенные части «Обращений к Господу..», то «Медитации», которым Донн обязан славой прекрасного прозаика, полны «мудрости мира сего». Здесь мы встречаемся с космографией и алхимией, платонизмом и герметикой. При этом Донн оперирует с набором «общих топосов» своей эпохи — но делает это поистине виртуозно. Магнетизм его текста объясняется не оригинальностью образов, а их неожиданным сопря-

⁹ Ibid. S. XXXIV–§5XXXV.

¹⁰ Ibid. S. XL.

¹¹ Иов 42, 4.

жением¹². Чужие голоса: бл. Августин, Тертуллиан, Данте — причудливо преломляются в акустике донновского текста, порождая порой странное эхо.

Несколько ключевых метафор насквозь «прошивают» текст «Обращений к Господу». Одна из них — представление о человеке как микрокосме — малом подобии большого Универсума. Зародившись в античности, это представление было воспринято Отцами Церкви, развито средневековыми философами, а потом, пройдя через призму герметических учений членов Флорентийской академии и школы Парацельса, трансформировалось, чтобы стать для литературы, искусства, философии и медицины той эпохи активной «порождающей метафорой», разворачивающейся на всех уровнях бытия и связующей их воедино. «Человек, как был он сотворен и создан Господом, есть набросок или образ — или краткая повесть всей Истории Мироздания: в нем Господь заключил все творение, все, созданное Им в этом мире... И поскольку тело человеческое заключает в себе отражение всей Вселенной, и в нем соучаствует все, что есть в этом мире, то потому человек называется Микрокосмом или малым миром... Из глины и праха сотворена плоть человека, а потому тяжела и массивна; кости в его теле сравнимы со скалами и камнями, а потому крепки и долговечны... Кровь, что течет в теле его по венам, повторяющим своими очертаниями древесную крону, можно сравнить с водами, что разносятся по поверхности земли ручьями и реками, дыхание его подобно ветру...»¹³ — эти слова старшего совре-

¹² Отметим, что именно это качество ряд исследователей считает отличительной чертой школы поэтов-метафизиков. Так, Джозеф Энтони Маццео пишет: «Для поэтов-метафизиков поэтический образ был ценен не в силу того, можно или нет представить его зримо, — он не имел ничего общего со своим «физическим наполнением». В нем ценился сам характер связи, устанавливаемой между явлениями». — Mazzeo Jozeph Antony. *A Critique of Some Modern Theories of Metaphysical poetry* / Clements Arthur L. (ed.). *John Donne's Poetry*. N.Y., London. 1991. P. 175.

¹³ Raleigh Walter, Sir. *The History of the World*. Ed. by C. A. Patrides. London, 1971. P. 126.